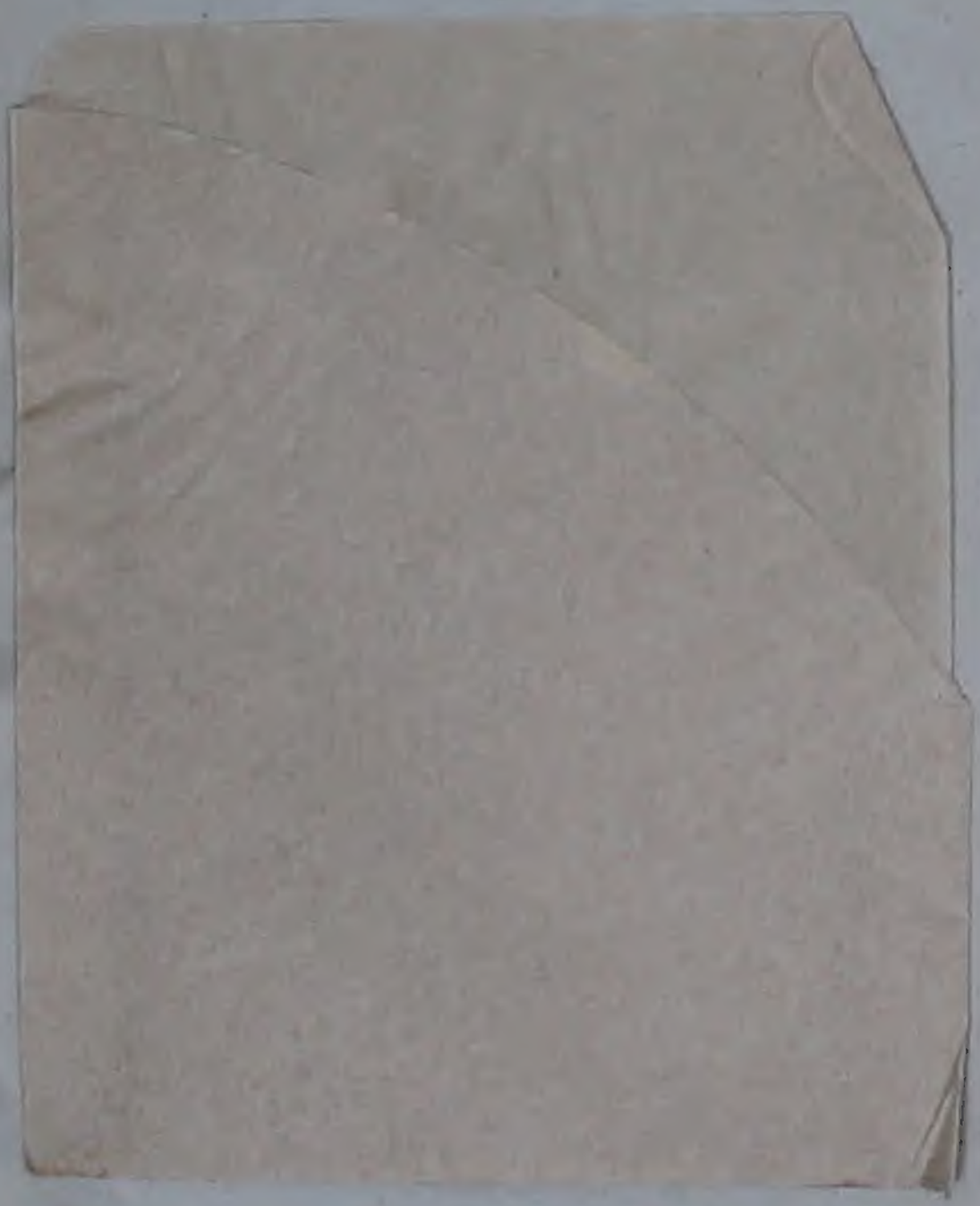
В. Мануйлов

Михаил Юрьевич Лермонтов

«Сталинское знамя» Пенза



83,3(2Рос=Рус)1-8Лермонтов
М.Ю.кр
М24
54626

В. МАНУЙЛОВ

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

Пенз. Областная Библиотека
имени М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Издательство газеты „Сталинское знамя"
Пенза
1945

С портрета работы К. А. Горбунова.

1.

К числу славных имен, которые навсегда вошли в нашу историю и обогатили русскую и мировую культуру, наряду с Пушкиным, принадлежит имя поэта-воина и патриота Михаила Юрьевича Лермонтова. Лермонтов горячо любил Россию, любил смелый и независимый русский народ. Он был мужественным, бесстрашным человеком. В дни труднейших испытаний Отечественной войны против германского фашизма, когда великий русский народ и народы Советского Союза под водительством товарища Сталина отстояли свою свободу, честь и независимость, поэт-патриот Лермонтов стал нам особенно близок и созвучен. Мы почувствовали это уже в самом начале Отечественной войны, когда 27 июля 1941 года наша страна отметила столетнюю годовщину со дня смерти поэта. Мерный звук его «могучих слов воспламенял бойца для битвы», его стих «и отзвук мыслей благородных звучал, как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных». Лермонтов был с нами.

В своем историческом выступлении по радио 22 июня 1941 года В. М. Молотов говорил: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона на Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение и

пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, об'явившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу».

Об этом памятном уроке, который преподал русский народ иноземным захватчикам в 1812 году, вслед за Пушкиным и задолго до Льва Толстого, писал Лермонтов. Особо значительно зазвучали в дни Отечественной войны слова Лермонтова из поэмы «Сашка»:

Москва, Москва!... Люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул—он упал!
Вселенная замолкла...Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы,
Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.

Об этой же героической эпопее 1812 года поведал Лермонтов в патриотической балладе «Два великана»:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ;
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

В осенние дни 1941 года, когда гитлеровские захватчики угрожали столице нашей Родины, сердцу России—Москве, с каким волнением мы вспоминали стихотворение Лермонтова «Бородино»! Это стихотворение, давно уже ставшее народной и солдатской песней, вспомнил в день своей славной гибели в подмосковных снегах один из героических защитников Москвы гвардеец-панфиловец Клочков. Когда герой обратился к своим товарищам с прекрасными словами: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!», — разве не отозвались в памяти каждого другие такие же близкие и властные слова лермонтовского призыва:

«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Каждому нашему бойцу в дни Отечественной войны было знакомо это желание встретиться с врагом и постоять за Родину:

Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

В стихотворении «Бородино» Лермонтов не только создал замечательный памятник героической битвы, но и воспел отвагу русского солдата, не знающего себе равных в рукопашном бою:

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась—как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Неустрашимые советские воины, участники боев под Москвой, Севастополем, Сталинградом, Курском, Ленинградом, с полным правом смогут сказать своим счастливым детям и внукам словами нашего поэта: «Да, были люди в наше время».

По-новому мы оценили поэму Лермонтова «Беглец», насыщенную презрением к малодушному трусу и изменнику.

Встретившись лицом к лицу с немецкими захватчиками, для которых в наших просторах не оказалось ничего святого, мы не раз вспомнили саркастические слова Лермонтова о немцах в поэме «Сашка»:

И чем же немец лучше славянина?
Не тем ли, что куда его судьбина
Ни кинет, он везде себе найдет
Отчизну и картофель?... Вот народ:
И без таланта правит и за деньги служит,
Всех давит сам, а бьют его—не тужит!
Вот племя: всякий чорт у них барон!
И уж профессор—каждый их сапожник!

И смело здесь и вслух глаголет он, —
Как Пифия, воссев на свой треножник!
Кричит, шумит... Но что ж? — Он не рожден
Под нашим небом; наша степь святая
В его глазах бездушных—степь простая,
Без памятников славных, без следов,
Где б мог прочесть он повесть тех веков,
Которые, с их трудными делами,
Унесены забвения волнами...

Волевым людям советской страны в напряженные и решающие минуты их героической жизни вспоминаются стихи непримиримого, непреклонного Лермонтова. Особенно близок Лермонтов нашей молодежи. Учительница из гор. Краснодона М. А. Борц, рассказывая о последних минутах Ульяны Громовой—члена штаба «Молодой Гвардии», которая была зверски замучена фашистами, вспоминает: «Девочки попросили ее прочесть «Демона». Она сказала: «С удовольствием! Я «Демона» люблю. Какое это замечательное произведение. Подумайте только, он восстал против самого бога!» В камере стало совсем темно. Она приятным, мелодичным голосом начала читать... Вдруг тишину вечерних сумерек пронизал дикий вопль. Громова перестала читать и сказала: «Начинается!» Стоны и крики все усиливались. В камере была гробовая тишина. Так продолжалось несколько минут. Громова, обращаясь к нам, твердым голосом прочла:

«Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран
Как все тираны погибали!»...*)

*) А. Фадеев. «Бессмертие»—«Правда» от 15 сентября 1943 года.

Эти стихи молодого Лермонтова были почти неизвестны нашему читателю до революции. Сейчас их знает каждый школьник. И когда школьник становится гражданином, стихи Лермонтова призывают его к борьбе.

Мы ценим и любим богатое литературное наследие Лермонтова. Нам дорог и близок верный сын нашей Родины, поэт-патриот, который погиб так рано, но который навсегда вошел в нашу славную историю и обогатил нашу национальную культуру.

«В будущем,—писал Белинский,—мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль». Это время, предсказанное Белинским, наступило. И среди своих самых дорогих и славных сынов русский народ называет имя Лермонтова

2.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со 2 (14) на 3 (15) октября 1814 года в Москве, еще не отстроившейся после пожара двенадцатого года. Но детские годы поэта прошли в небольшом поместье его бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой—Тарханах Пензенской губернии, недалеко от уездного городка Чембара. Здесь начал складываться Лермонтов как человек. Здесь он впервые задумался о судьбах своей родины, русского народа, тут он узнал и полюбил русскую природу, русский язык, народные сказания, песни, игры, пляски.

Семейная жизнь родителей Лермонтова была несчастлива. Юрий Петрович Лермонтов принадлежал к захудалому дворянскому роду. Е. А. Арсеньева, происходившая из рода Столыпиных, разбогатевших при Екатерине II, была женщиной крутого и гордого нрава. По ее мнению, Юрий Петрович не заслуживал внимания дочери, не такого зятя хотела бы она ви-

деть в своем доме. Нелады между супругами обострялись постоянным вмешательством властолюбивой Елизаветы Алексеевны. Несчастливая семейная жизнь подорвала слабые силы Марии Михайловны — матери поэта. Она умерла 27 февраля 1817 года, когда Лермонтову шел всего только третий год.

В Тарханах о Марии Михайловне сохранилась добрая память. Рассказывали о том, как она лечила больных крестьян, переходя из одной избы в другую. Лермонтов плохо помнил мать, но в одной из юношеских тетрадей он записал: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

После смерти Марии Михайловны весь смысл жизни для Арсеньевой сосредоточился на единственном внуке, з Юрий Петрович потребовал, чтобы мальчик был отдан ему на воспитание. Началась глухая, напряженная борьба.

Еще при жизни Марии Михайловны Арсеньева не раз улаживала с Юрием Петровичем спорные вопросы; она поручала ему управление деревнями и выдавала денежные обязательства. Так она поступила и теперь. Через четыре дня после смерти дочери, Арсеньева выдала зятю заемное письмо на 25 000 рублей. Отношения были настолько напряженными, что это заемное письмо было заверено в Чембарском суде при свидетелях.

Однако и заемное письмо не в полной мере удовлетворило Юрия Петровича. Он продолжал настаивать на своем, требовал возвратить ему ребенка. 5 июня 1817 года М. М. Сперанский, бывший тогда пензенским губернатором, писал из Пензы брату Арсеньевой Аркадию Алексеевичу Столыпину: «Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода: Лермонтов требует к себе сына, едва согласился оставить еще на два

года. Странный и, говорят, худой человек; таков по крайней мере должен быть всяк, кто Елизавете Алексеевне, воплощенной кротости и терпению, решится делать оскорбления». Сперанский был дружен со Столыпиными и отзыв его, конечно, несколько пристрастен. Кротость и терпение деспотической Елизаветы Алексеевны довольно сомнительны.

Дошедшие до нас документы отражают борьбу, которая велась вокруг ребенка Лермонтова. Особый интерес представляет духовное завещание Арсеньевой от 10 июня 1817 года, в котором она все принадлежащее ей «движимое и недвижимое имение» завещала внуку Михаилу Юрьевичу Лермонтову, при условии, что внук будет до совершеннолетия находиться у нее на воспитании и попечении. «Если же отец внука моего или ближайшие родственники вознамерятся от имени его внука моего истребовать, чем, не скрываю чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление: то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мною движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему, Михайле Юрьевичу Лермонтову, но в род мой Столыпиных, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении».

Завещание было подписано, и Юрий Петрович уехал из Тархан в свою тульскую деревню Кропотово. Мальчик остался у бабушки. Лермонтов впоследствии знал об этом завещании. Юрий Петрович в начале 1831 года писал ему: «Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительною для себя потерею».

Ранняя смерть матери, споры между бабушкой и Юрием Петровичем, толки о наследстве,—все эти тревожные впечатления детства рано заставили Лермонтова задуматься над отношением к близким ему людям. Лермонтов-ребенок, как свидетельствовал один

М. Ю. Лермонтов ребенком.

из его воспитателей, «не понимал противуборства между бабушкой и отцом». То ему казалось, что во всем виновата бабушка, то виновником распри он готов был считать Юрия Петровича. Шли годы. Мальчик терялся в догадках и не мог разрешить мучительного вопроса: кто же прав из этих двух дорогих ему и враждующих между собою людей? Позднее эти раздумья отразились в юношеской драме Лермонтова «Люди и страсти», а также в некоторых его стихотворениях. В одном черновом наброске Лермонтов писал:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец,
В слезах угасла мать моя!
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом...

3.

Лермонтов рос болезненным и впечатлительным ребенком. Он начал ходить только в четырехлетнем возрасте, зато очень рано научился говорить, наблюдать окружающее. Елизавета Алексеевна не отходила от внука. Первые годы он спал в ее комнате и, когда подрос, его детскую устроили в мезонине, где было несколько уютных комнаток с невысокими потолками.

Окна выходили в сад, который спускался к оврагу и пруду. По оврагу бежал ручей, в некоторых местах незамерзающий и зимой. За оврагом виднелась возвышенность, казавшаяся настоящей горой. По ней тянулся лес. Он сливался с далеким горизонтом.

Зимою устраивалась большая ледяная гора. Дворовые возили мальчика на салазках. На святках в барский дом приходили ряженые. Они плясали, пели. Летом на Троицу и семик ходили в лес. И тут дворовые сопровождали мальчика.

Чтобы Миша не скучал, Арсеньева взяла на воспитание в тарханский барский дом нескольких мальчиков—детей соседних помещиков. Они вместе учились, рисовали, занимались гимнастикой, ездили верхом, ходили на охоту.

В барскую усадьбу из деревни приходили крестьянские дети. Мальчики играли в войну. Для юного «потешного» войска была пошита специальная военная форма. Верховодил во всех этих играх, конечно, маленький Лермонтов. И поныне еще за садом в Тарханах сохранились поросшие травой холмики и рвы—следы укреплений, возведенных для военных игр.

В Пензенской губернии издавна были в обычае кулачные бои. Подражая старшим, Лермонтов любил устраивать битвы «на кулачки». Победители-мальчики щедро награждались пряниками. Возможно, что эти кулачные бои впоследствии вспомнились Лермонтову, когда он создавал свою «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Так как поблизости в Чембарском уезде не было хорошего лекаря, Арсеньева поселила в Тарханах домашнего врача Леви. Мальчик рос под его постоянным наблюдением.

Арсеньева не была богата. Правильнее назвать ее помещицей средней руки. Но даже более состоятельные дворяне редко тратили столько на воспитание своих детей, сколько Арсеньева расходовала на воспитание внука.

Среди воспитателей Лермонтова следует упомянуть гувернера Капэ. Он служил раньше сержантом в наполеоновской гвардии, вместе с французской армией пришел в Москву, был ранен, попал в плен и остался в России. Лермонтов полюбил Капэ больше других своих воспитателей. Француз тоже привязался к своему воспитаннику, свыкся со своей участью, хотя плохо переносил русский климат и часто хворал.

Капэ пробудил в Лермонтове интерес к истории, к войне 1812 года и к личности Наполеона. Он увлекательно рассказывал о далеких походах, о Бородинском сражении, о пожаре Москвы.

Вообще героическая эпоха Отечественной войны вошла в жизнь и творчество Лермонтова так, как если бы он сам был свидетелем и участником событий 1812 года. От многих своих старших современников, кроме Капэ, Лермонтов слышал рассказы об Отечественной войне. Родной брат Елизаветы Алексеевны Арсеньевой Афанасий Алексеевич Столыпин, будучи штабс-капитаном, командовал в Бородинском бою «легкой ротой № 2». «Доблестное бесстрашие, истинно артиллерийское хладнокровие и распорядительность в самом сильном огне всегда останутся памятными его сослуживцам»,—писал о нем один из боевых товарищей.

Следует также отметить, что среди дворовых в Тарханах были солдаты и ополченцы 1812 года.

Лермонтов оценил Отечественную войну, как великое историческое испытание, пробудившее все силы народа. В юношеской драме Лермонтова «Странный человек» один из московских студентов Заруцкий говорит: «А разве мы не доказали в 12 году, что мы русские?—такого примера не было от начала мира!—мы современники, и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам»!

Не только об Отечественной войне, но и о других событиях русской истории Лермонтов немало слышал в детские годы. Тарханские старожилы хорошо помнили восстание Пугачева 1773—1774 годов, которое потом Лермонтов описал в незаконченном юношеском романе «Вадим».

Столыпины и Арсеньевы, родственники и свойствен-

54626

Ники Елизаветы Алексеевны, почти все побывали в походах. Брат бабушки, Александр Алексеевич Столыпин, служил в свое время адъютантом при Суворове и даже написал воспоминания о великом полководце. Не из книг, но от живых свидетелей и участников славных событий русской истории узнавал Лермонтов о былом. Все это рано пробудило в нем интерес к истории и любовь к героическому прошлому России.

4.

Чтобы укрепить здоровье внука, Арсеньева несколько раз возила его в детстве к кавказским минеральным водам, где жила ее сестра Екатерина Алексеевна Хастатова и племянница Мария Акимовна Шан-Гирей. Далекая поездка на лошадях через всю Россию, а также дикая природа Кавказа произвели большое впечатление на Лермонтова-ребенка. Раненые и больные офицеры, встречавшиеся у целебных источников, рассказывали об экспедициях против горцев, о набегах, о кавказских пленниках, о черкешенках. Все эти кавказские впечатления на многие годы обогатили творческое воображение Лермонтова, во многом определили содержание его отроческой поэзии: «Синие горы Кавказа, приветствую вас...—писал Лермонтов.—Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе»...

Когда Лермонтов вернулся в Тарханы, он постоянно играл с дворовыми мальчиками «в Кавказ» и кавказскую войну. От этих же сотоварищей по детским играм Лермонтов рано узнал о беспросветной мужицкой нужде, о бескормицах, недородах, о рекрутчине. Ведь деревня была почти рядом с усадьбой, тут же за прудом.

Подобно Тургеневу и Некрасову, Лермонтов с детских лет наблюдал крепостное право. Арсеньева была

54626

убежденной крепостницей, только, быть может, несколько более сдержанной, чем другие соседи-помещики. Провинившимся крестьянам по ее приказанию на первый раз обривали половину головы, а у дворовых девушек отрезали косы. За непослушание, непокорность пороли розгами на конюшне, отдавали в солдаты.

Неограниченным доверием Арсеньевой пользовалась ключница Дарья Григорьевна Куртина. Немало горя натерпелись дворовые от ее мелочных придирок, неустанного сыска, клеветы и доносов. Еще девчонкой она была взята из деревни в барский дом, научилась грамоте, вошла в силу. Впоследствии Лермонтов зарисовал ее хищный образ в драме «Люди и страсти», даже оставив без изменения ее настоящее имя.

Тарханское житье-бытье наводило мальчика Лермонтова на горькие раздумья об участи народа. И он знал, что Тарханы не исключение: во многих окрестных поместьях и деревнях крестьянам жилось значительно хуже.

Много страшного рассказывали в Чембарском уезде о дальнем родственнике Арсеньевой помещике А. Ф. Мосолове. Он жил недалеко от Тархан в своем имении Тархове, и Лермонтов с бабушкой бывал иногда у Мосоловых. Мосолов отличался жестокостью и самодурством. Помещики называли его «Соловьем-разбойником», а крестьяне «живодером».

Прошло несколько лет, и впечатления, вынесенные Лермонтовым из Тархан и из имения Мосоловых, дали богатый материал для художественных обобщений в антикрепостнических сценах юношеских драм «Люди и страсти» и «Странный человек», а затем в историческом романе «Вадим».

Эти произведения не случайно перекликаются с драматическим опытом молодого В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин». Через своего отца Белинский также хорошо знал о жестокостях Мосоловых и других чем-

Дом в Тарханах, где прошли детские годы Лермонтова.

барских помещиков. И Лермонтов, и Белинский наблюдали в детстве один и тот же круг чембарских помещиков, исправников, приказчиков и крестьян. И оба вскоре поняли, что такое крепостническая действительность, «где стонет человек от рабства и цепей».

5.

В начале декабря 1825 года до Тархан дошли вести о том, что 19 ноября в Таганроге умер Александр I. Началось междуцарствие. Пока выяснилось, кто будет царствовать—Константин или Николай Павлович, прошло около месяца. Потом начали доходить вести еще тревожнее. Рассказывали, что 14 декабря в Петербурге на Сенатскую площадь вышли солдаты лейб-гвардии Московского полка. К ним примкнули гвардейские гренадеры и гвардейский флотский экипаж. Эти части отказались присягать Николаю, они были за Константина. Вслед за своими офицерами они кричали: «Да здравствует Конституция!» Говорили о кровопролитии, о том, что все заставы столицы закрыты.

Одиннадцатилетний Лермонтов не был свидетелем петербургского восстания 14 декабря 1825 года. Но в Тарханах об этом событии было много разговоров. Слушая речи старших, мальчик догадывался, что произошло что-то очень важное.

Известия о восстаниях в Петербурге, а затем и на юге должны были взволновать Е. А. Арсеньеву. Ее родные братья, Столыпины, были близко знакомы с видными деятелями декабристского движения, в том числе с Пестелем и Рылеевым.

«Пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение»,—писал Герцен. К этому поколению принадлежал и Лермонтов. Ему с детства были хорошо знакомы имена многих декабристов и их единомышленников.

6.

Осенью 1827 года Арсеньева переехала с внуком в Москву, чтобы подготовить его к поступлению в Московский университетский пансион. Лермонтов любил родную Москву и с интересом знакомился с ее достопримечательностями. Для Лермонтова Москва была священным памятником родины, «алтарем России», на котором «должны совершаться, и уже совершались многие жертвы, достойные отечества»... Несколькими годами позднее в школьном сочинении «Панорама Москвы» Лермонтов писал: «Москва не есть обыкновенный город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке;... нет! У нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувствами и вдохновением для ученого патриота и поэта»...

«Москва моя родина, и такою будет для меня всегда,—восклицал Лермонтов в письме к М. А. Лопухиной,—там я родился, там много страдал, и там же был слишком счастлив!»

1 сентября 1828 года Лермонтов поступил полупансионером в четвертый класс Университетского пансиона. Он был хорошо подготовлен, читал и писал на русском, французском, немецком и английском языках, немного знал по-латыни. Учился Лермонтов превосходно. Пансион был одним из лучших учебных заведений в России. Особое внимание уделялось истории, литературе, языкам. Среди преподавателей пансиона были поэты А. Ф. Мерзляков и С. Е. Раич, переводчик латинских и итальянских авторов. Под руководством Раича пансионеры образовали «Общество любителей российской словесности». Юные «любители» читали и разбирали свои литературные опыты, издавали

рукописные журналы, альманахи и даже печатные сборники. В пансионе в 1828 году Лермонтов начал писать стихи. В собраниях литературного общества и пансионских журналах он принимал самое деятельное участие.

Отроческие произведения Лермонтова, конечно, подражательны, но они свидетельствуют об его исключительной начитанности и литературной памяти. Пушкин был любимым поэтом и неизменным учителем Лермонтова. Его первые поэмы «Кавказский пленник» и «Черкесы» написаны под непосредственным влиянием южных поэм Пушкина. Требовательный к себе, Лермонтов не печатал своих первых произведений, считая, что это лишь ученические опыты. Позднее, в годы поэтической зрелости, Лермонтов нередко возвращался к ранним замыслам, стремясь полнее, более углубленно и совершенно, переработать их. Не только для исследователя, но и для каждого внимательного читателя интересны отроческие и юношеские произведения Лермонтова. Это своего рода лирические дневники. По ним можно восстановить, как много передумал и перечувствовал созревающий поэт.

В марте 1830 года Университетский пансион посетил Николай I. Он был предубежден против пансиона, считая это учебное заведение слишком вольным. Как и следовало ожидать, Николай I остался недоволен относительной независимостью воспитанников и либерализмом педагогов. Вскоре, 29 марта, последовал «высочайший указ» о закрытии пансиона. Лермонтову было выдано свидетельство о том, что он «обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, похвальным поведением и с весьма хорошими успехами».

Лермонтов решил готовиться к экзамену в Московский университет.

Лето 1830 года Лермонтов провел вместе с бабушкой в подмосковном имении Середниково, которое принадлежало Екатерине Апраксеевне Столыпиной, вдове Дмитрия Алексеевича. Здесь еще была жива память о просвещенном хозяине, друге декабристов. Сохранилась прекрасная библиотека, в которой Лермонтов нашел, конечно, стихи любимых своих поэтов.

В Середникове жил семинарист Орлов; он давал уроки русской словесности Аркадию Столыпину. Орлов заинтересовался стихами пятнадцатилетнего Лермонтова, поправлял ему ошибки, об'ясняя основы стихосложения. Их беседы часто оканчивались спорами. Лермонтову не всегда нравились произведения поэтов XVIII века. Зато мальчик охотно слушал, как Орлов пел народные песни.

Этим же летом Лермонтов прочел только что вышедшую книгу Томаса Мура о жизни лорда Байрона, в которой были впервые опубликованы письма и дневники английского поэта. В юношеских записях Лермонтов не раз отмечает черты своего характера, привычки и события, роднящие его с любимым Байроном. Вместе с тем Лермонтов сам настойчиво подчеркивал свою самобытность:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Лермонтов внимательно следил за всем новым, что появлялось в русской и западной литературах. Он хорошо знал французскую литературу, но уже тогда считал, что в наших народных сказках «больше поэзии, чем во всей французской словесности».

30 июля 1830 года в Париже вспыхнула революция. Французский король Карл X отрекся от престола и бежал в Англию. Лермонтов с большим интересом следил за событиями. Едва ли не единствен-

ный из всех русских поэтов, он приветствовал польскую революцию. Лермонтов обращался к Карлу X.

Ты мог быть лучшим королем.
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.
И загорелся страшный бой;
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой,—
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

В России в это время с востока, с Поволжья, шла эпидемия холеры. Многие губернии были охвачены жестоким бедствием. В южных портах появилась чума.

В августе Лермонтов выдержал экзамен и поступил в Московский университет. Но только начались лекции, холера проникла в Москву. Многие бежали в Смоленск, в Петербург. Город был оцеплен военными кордонами, учреждены карантины. Москва опустела, как в 1812 году. Оставшиеся в городе заперлись в своих домах. Университет был закрыт. Это страшное время Лермонтов пережил с бабушкой в Москве. В его стихах 1830 и 1831 годов часто встречаются раздумья о стихийных бедствиях, народных движениях, о грядущих восстаниях.

Под впечатлением событий 1830 года Лермонтов пишет «Предсказание», где выражает уверенность, что

настанет год, «когда царей корона упадет». Он думает о народном вожде, герое революции. В политических стихах Лермонтова — прямое продолжение гражданской лирики молодого Пушкина и поэтов-декабристов, в особенности Рылеева.

В годы жестокой николаевской реакции, еще безвестный Лермонтов уже сознавал назначение поэта-гражданина. В юношеских стихах он предстает перед нами как деятельный борец против социального зла. Для Лермонтова «жизнь скучна, когда боренья нет». Он говорит о себе:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

Этими словами Лермонтов как бы перекликается с Белинским, который утверждал: «жизнь есть действование, а действование есть борьба», и с Герценом, по мнению которого «одно действование может вполне удовлетворить человека».

И в юношеских поэмах Лермонтова мы видим утверждение «действующей личности», образ свободолюбивого бунтаря. Если романтические поэмы Байрона показывали гордых мятежников на берегах Средиземного моря, где шла борьба за пути на восток, за колониальные рынки, то для Пушкина и Лермонтова таким центром пересечения исторических сил был Кавказ. Оба русских поэта знали этот край и с интересом наблюдали жизнь горцев и кавказскую природу. Так, черпая материал из окружающей действительности, расширяли Пушкин и Лермонтов тематический круг русской поэзии и вводили в литературу описания природы и быта народов Кавказа. Этим интересны такие юношеские романтические поэмы Лермонтова, как «Аул Бастунджи», «Калла», ранние редакции «Демона» и написанные позднее «Хаджи Абрек» и «Измаил-бей».

Так же, как Радищев, Пушкин и Рылеев, Лермонтов с молодых лет много думал об участи русского крестьянства, о крепостничестве, о родине. В автобиографической драме «Странный человек» (1831) Лермонтов не замыкается в узкий круг личных переживаний. Целую сцену посвящает он разговору своих героев с крепостным крестьянином, который прислан от всего села с просьбой выкупить крестьян у жестокой помещицы.

Лермонтов-студент, так же, как и молодой Белинский в упоминавшейся уже драме «Дмитрий Калинин»,—нашел смелые слова, чтобы правдиво рассказать о жизни оброчных мужиков, о злодействах управителя, о жестокостях помещиков. И Лермонтов понял: «счастье, богатство—все куплено кровавыми слезами».

Лермонтов учился в Московском университете одновременно с Белинским, Герценом, Гончаровым. Но к кругу Белинского и Герцена Лермонтов не примыкал. Идя своим путем, Лермонтов жил теми же интересами, что и лучшие передовые люди его поколения. Впоследствии Герцен писал: «Он всецело принадлежит к нашему поколению... Мы видели только казни и изгнания. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выучились сосредоточиваться, скрывать свои думы,—и какие думы! То не были уже идеи просвещающего либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли. Привыкши к этим чувствам, Лермонтов не мог спастись в лиризме, как Пушкин. Он влачил тяжесть скептицизма во всех своих фантазиях и наслаждениях. Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела,—она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украситься цветами поэзии, нет, размышления Лермонтова это — его поэзия, его мучение, его сила»

И прав был Белинский, который заявлял, что в Лермонтове, в его творчестве «выразился исторический момент русского общества».

8.

Когда эпидемия холеры миновала, в Московском университете возобновились занятия. Но преподавание в университете было поставлено плохо. Как раз в 1831 году Пушкин не без основания писал Погодину: «Ученость, деятельность и ум (неносны) чужды Московскому университету». Лекции мало подготовленных профессоров не удовлетворяли Лермонтова. Он обычно приходил на лекцию с какой-либо новой книгой и, усевшись в углу аудитории у окна, углублялся в чтение, не слушая лектора.

Однажды, в конце 1831 года, когда профессора проверяли знания студентов, Лермонтова вызвал профессор Победоносцев, читавший «изящную словесность».

Лермонтов отвечал уверенно и бойко. Победоносцев сначала слушал его, но потом остановил и сказал:

— Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

— Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас еще не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным.

Этот дерзкий ответ по существу был справедлив. Почти такой же разговор произошел между Лермонтовым и ад'юнкт-профессором Гастевым, читавшим геральдику и нумизматику. Профессора были раздражены, и среди университетского начальства установилось к Лермонтову недоброжелательное отношение.

Неудовлетворенный Московским университетом, Лермонтов осенью 1832 года переехал в Петербург,

чтобы поступить в университет Петербургский. Но ему отказались зачесть два курса, прослушанных в Москве. Начинать все с начала Лермонтов не захотел. Он поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Поступая в военную школу, Лермонтов писал одной своей московской приятельнице: «Если начнется война, клянусь богом, что всегда буду впереди». Позднее, став боевым офицером, Лермонтов вполне оправдал эти слова.

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров была настоящей николаевской казармой. Сам Лермонтов называл время, проведенное в школе, «двумя страшными годами». Большей части юнкеров литературные и философские интересы были совершенно чужды. Чтение художественной литературы в школе было вообще запрещено. Впрочем, начальство разрешало юнкерам выпускать рукописный журнал, где помещались шуточные стихи, поэмы и карикатуры. Журнал назывался «Школьная заря». Здесь были помещены юнкерские поэмы Лермонтова «Уланша», «Петергофский праздник», «Госпиталь». Эти произведения не представляют большой литературной ценности, но правдиво рисуют разгульный быт юнкеров и являются первой попыткой реалистического разговорного стиха, которым впоследствии так мастерски владел Лермонтов—автор стихотворных повестей «Монго», «Тамбовская казначейша» и «Сашка».

Во время пребывания в Школе гвардейских подпрапорщиков Лермонтов много работал над историческим повествованием в прозе, которое получило название по имени героя—«Вадим». Это было начало романа о событиях 1773—1774 годов. Замечательно, что мысль написать произведение о годах Пугачевского восстания возникла у Лермонтова до выхода в свет «Истории Пугачевского бунта» и до «Капитанской дочки» Пушкина.

Исторический роман молодого Лермонтова почит

еще все признаки увлечения школой западно-европейского и русского «вечтового романтизма». Герой романа, горбун Вадим, – типичный романтический герой, святой злодей, гордый мститель. Но когда Лермонтов переходит к народным сценам, тогчас пробивается живая реалистическая струя, веет подлинной правдой жизни. Здесь уже чувствуется не влияние литературных образцов, но личный опыт поэта, его чутье народного языка, знание народной жизни.

9.

22 ноября 1834 года Лермонтов был произведен в офицеры и выпущен в лейб-гвардии гусарский полк, который стоял в Цареком Селе. Но Лермонтов ездил туда только на парады и дежурства, проводя большую часть времени в столице. Пустая и пестрая жизнь петербургского светского общества сначала увлекала Лермонтова: балы, маскарады, театры. Вскоре он понял, что в светских гостиных его принимают только благодаря связям бабушки.

В 1835 году в журнале «Библиотека для чтения» появилась поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек». Рукопись этой поэмы отдал редактору журнала один из приятелей поэта Н. Д. Юрьев. Лермонтов относился всегда очень требовательно к своему творчеству, поэму «Хаджи-Абрек» он печатать не собирался. Поэтому поступок Юрьева рассердил его, но в литературных кругах к поэме отнеслись благосклонно, и друзья вскоре помирились.

В 1835—1836 годах Лермонтов был особенно близок с очень интересным и образованным человеком Святославом Афанасьевичем Раевским, которого сам характеризовал как «экономо-политического мечтателя». С. А. Раевский был крестником Е. А. Арсеньевой и жил с Лермонтовым в ее квартире. Друзья следили за русской и западно-европейской литературой, музыкой, театром, философией, играли в шахма-

ты У Раевского были связи с литературными кругами и он именно познакомил Лермонтова с А. А. Краевским, который в 1836 году помогал Пушкину издавать его «Современник», а затем редактировал «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» и «Отечественные записки», где впоследствии печатались произведения Лермонтова.

В 1835 году Лермонтов начал работу над драмой «Маскарад». В образе главного действующего лица Евгения Александровича Арбенина Лермонтов впервые попытался разработать типичный характер героя своего времени в реальной бытовой обстановке Петербурга 30-х годов.

В «Маскараде» Лермонтов, как драматург, во многом следует традициям французской мелодрамы, но по языку и по стилю его пьеса примыкает к комедии Грибоедова «Горе от ума». Это тот же «вольный стих», который до Грибоедова был разработан еще Крыловым. «Вольный стих» больше всего приближается к разговорной речи, дает возможность развернуть меткие характеристики и острые эпиграмматические реплики.

Поэту хотелось увидеть «Маскарад» на сцене или хотя бы напечатать пьесу. Три раза переделывал он свою драму, пытаясь приспособить ее к требованиям цензуры. Но цензоры понимали ее сатирическую направленность и отвечали, что пьеса не может быть поставлена «по причине слишком резких страстей и характеров, и также потому, что в ней добродетель недостаточно вознаграждена». Так Лермонтову и не пришлось увидеть «Маскарад» ни на сцене, ни в печати.

В середине 30-х годов в русской литературе большим успехом пользовались так называемые светские повести В. А. Соллогуба, В. Ф. Одоевского и других писателей. Это были небольшие по об'ему, весьма неглубокие по содержанию произведения, в которых

описывалась жизнь светского общества, причем главное внимание уделялось любовной интриге.

Традицию светской повести Лермонтов обогатил и углубил в своей повести «Княгиня Лиговская». В этом произведении есть все признаки модной светской повести, но направленность «Княгини Лиговской»—иная. Это—повесть, разоблачающая пустоту и ничтожество светского Петербурга. Вместе с тем Лермонтов вводит в повесть образ бедного чиновника Красинского. Таким образом, жанр светской повести у Лермонтова скрещивается с новым жанром повестей о бедном чиновнике (Пушкин—«Станционный смотритель», Гоголь — «Петербургские повести»).

В «Княгине Лиговской», написанной в 1835—1836 годах, впервые появляется образ Печорина, но это еще не Григорий Александрович Печорин. Жорж Печорин—пустой и легкомысленный молодой человек светского круга. Через несколько лет этот образ стал глубже и значительнее, он отразил противоречия в жизни русских дворянских интеллигентов 30—40-х годов.

В самом конце 1835 года Лермонтов получил отпуск «по домашним обстоятельствам в Тульскую и Пензенскую губернии на шесть недель». Е. А. Арсеньева жила в это время в Тарханах и очень ждала к себе внука. По дороге Лермонтов задержался в Москве и пережил там какое-то увлечение, отразившееся, по его собственному признанию, в драме «Два брата».

В ту пору дорога из Москвы в Тарханы лежала через Рязань, Козлов, Тамбов на Кирсанов и Чембар. Этим путем в долгуше под периной и собачьим одеялом в январские морозы приехал Лермонтов в Тарханы.

Стояла снежная, вьюжная зима. Соседи оставляли друг друга в покое. Лермонтов несколько раз ездил

по хозяйственным делам в Чембар, а большую часть времени проводил в своей комнате за письменным столом. Он напряженно работал над драмой «Два брата».

Возможно, что в Тарханах была начата стихотворная повесть «Тамбовская казначейша»; в ее основу положена какая-то история, которую Лермонтов слышал проездом через Тамбов. Это—мастерски сделанная зарисовка быта и нравов провинциальной России николаевского времени. В своем непринужденном реалистическом повествовании Лермонтов следует манере, в которой написаны «Евгений Онегин» и «Граф Нулин» Пушкина.

Весной 1836 года Лермонтов вернулся в Петербург.

10.

27 января 1837 года Пушкин был смертельно ранен на дуэли Дантесом. Горестное известие быстро распространилось по Петербургу и в тот же день дошло до Лермонтова, который был болен и лежал в квартире Арсеньевой. Под впечатлением известий о смертельном ранении Пушкина, Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта». Несколькими днями позднее, когда в придворных кругах стали раздаваться голоса в защиту убийцы поэта, Лермонтов приписал последние 16 строк, где точно указал, кто был истинным виновником смерти Пушкина:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сенью закона,
Пред вами суд и правда—все молчи!..

Это был прямой вызов придворному, великосветскому Петербургу, затравившему Пушкина. Стихи Лер-

монтова точно и сильно выражали негодование, охватившее передовую, мыслящую Россию. Современники списывали стихи на смерть Пушкина в магазинах, в кондитерских, прямо на улице, заучивали наизусть. Через несколько дней эти стихи распространились по Петербургу, Москве, а затем и по всей стране в тысячах списков.

«Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта—Лермонтова»,—так определил В. А. Соллогуб впечатление, которое произвели стихи Лермонтова. Вся передовая Россия услышала в ненапечатанных этих стихах выражение своего горя и гнева. Это был голос народа. Современники именно так и расценивали это событие. «Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление»,—писал В. В. Стасов.

За сочинение «непозволительных стихов» на смерть Пушкина Лермонтов был переведен в Нижегородский драгунский полк, стоявший тогда на Кавказе, а его друг С. А. Раевский, обвиненный в распространении этих стихов, сослан в Олонецкую губернию.

II.

Лермонтов был уже на Кавказе, когда в июньской книжке журнала «Современник» за 1837 год было напечатано его стихотворение «Бородино». В это время, в связи с 25-летием Отечественной войны, в журналах появились всевозможные «записки», «рассказы» и воспоминания участников кампании 1812 года. «Бородино» Лермонтова было откликом на славную годовщину. Это были патриотические стихи, но патриотизм их был чужд официальной народности. Лермонтов обратился к славным дням прошлого, чтобы противопоставить их настоящему:

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри—не вы!

Лермонтов был горд за свой народ, победивший в освободительной войне, и Лермонтову было горько и стыдно за настоящее. Именно так определил основную идею этого стихотворения Белинский: «Эта мысль—жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел».

Тема «Бородина» давно занимала Лермонтова. Еще в 1830 году Лермонтов написал «Поле Бородина». Тогда это был приподнятый романтический монолог. Через шесть—семь лет Лермонтов заново переработал стихи. Теперь они зазвучали правдиво и просто. Белинский отметил и подлинный реализм «Бородина»: «Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью; в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо-ощутительною основную мысль поэта».

Исторически правдив и точен рассказ старого артиллериста:

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»,

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут!

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью...

Предвосхищая реализм Льва Толстого, Лермонтов рассказывает о Бородинском бое устами рядового участника:

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

«Бородино» Лермонтова, наряду с «Войной и миром» Льва Толстого было и остается до наших дней лучшим литературным памятником Отечественной войне и Бородинскому бою. Защита родины, борьба за счастье народа—всегда были для Лермонтова делом священным.

Полная гражданского мужества и силы поэзия Лермонтова, задолго до герценовского «Колокола» будила Россию, звала лучшие ее силы на борьбу за светлое будущее родины. Такие стихи Лермонтова, как «Смерть поэта», «Дума», «Поэт», «Первое января», будили лучшие силы русского народа в глубокой ночи николаевского царствования.

Лермонтов ненавидел самодержавие, как истинный, верный сын своей родины, как патриот, страстно желавший блага своей стране. И он верил в ее великое и светлое будущее. Однажды в своей тетради Лермонтов записал о России: «Она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сидием 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел.., и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их»...

12.

Весь 1837 год Лермонтов провел «в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом». Бескрайные просторы России прошли перед его глазами от Петербурга до Тифлиса, от Кизляра до Тамани. Лермонтов с интересом всматривался в жизнь своей страны. В Пятигорске Лермонтов встретился с Белинским, но по-настоящему оценил его позднее, в 1840 году.

В письме к Раевскому с Кавказа Лермонтов писал: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию... Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и право я не берусь об'яснить или описать этого удивительного чувства; для меня горный воздух—бальзам; хандра к чорту, сердце бьется,

грудь высоко дышит—ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь».

В эту поездку Лермонтов много рисовал. Свои картины и рисунки, изображающие кавказские виды, пользуясь всякой удобной оказией, он пересылал друзьям в Петербург. Многие из его рисунков сохранились до наших дней. Лермонтов не был художником-профессионалом, как Тарас Шевченко. Но он был талантливым любителем-рисовальщиком и, как многие писатели-современники (Пушкин, Жуковский, Гоголь), с детских лет с увлечением рисовал «для себя»— карандашом и акварелью, писал маслом.

Лето и осень 1837 года на Кавказе имели для творческого развития Лермонтова громадное значение. Как возмужавший [illegible] и зрелый художник, Лермонтов [illegible] людьми и природой этого богатого края. С [illegible] вниманием [illegible] он с восточной литературой, искусством, философией. Сказания и [illegible] творчество, [illegible] обстановку [illegible] «Мцыри» и «Демона» (в последних редакциях) и [illegible].

Лермонтов [illegible] татарскому (т. е. азербайджанскому) языку, который, по его замечанию, «в Азии необходим, как французский в Европе».

На Кавказе Лермонтов [illegible] подружился с [illegible] А. И. Одоевским, [illegible] образованный, [illegible] тельный человек. От Одоевского Лермонтов узнал много нового о декабристах и о Грибоедове, с которым Одоевский был дружен. Когда [illegible] до Лермонтова дошло известие о смерти А. И. Одоевского, он посвятил его памяти одно из лучших своих стихотворений, начинающееся словами:

Я знал его—мы странствовали с ним
В горах Востока... И тоску изганья
Делили дружно; но к полям родным

Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой;
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений...

Е. А. Арсеньева настойчиво хлопотала о прощении внука. В октябре 1837 года Николай I делал в Тифлисе смотр четырем эскадронам Нижегородского драгунского полка, нашел их в хорошем состоянии, и это, конечно, повлияло на судьбу поэта. Он был переведен в Гродненский гусарский полк, который стоял в Новгороде. Лермонтову не хотелось уезжать с Кавказа. Здесь он себя чувствовал свободнее... По дороге на север поэт задержался в Ставрополе, где познакомился с сосланными на Кавказ декабристами.

В Новгороде Лермонтов прослужил недолго. Вскоре Арсеньевой удалось выхлопотать перевод внука в лейб-гвардии гусарский полк. Поэт вернулся в Петербург.

13.

Два года, проведенные Лермонтовым в Петербурге между первой и второй ссылками на Кавказ,—период расцвета его творчества. В 1838 году в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» была напечатана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»,—произведение, в котором сказалось глубокое понимание Лермонтовым духа русского народного творчества.

Цензура не разрешила подписать это произведение полным именем опального поэта. Вместо подписи было обозначено только «—в». Появление в свет «Песни» произвело большое впечатление на современников.

Здесь, по словам Белинского, «поэт от настоящего мира неудовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размет его чувства и, как будто современник этой эпохи, принял условия ее грубой и дикой общественности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знавал о других, — и вынес из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненнее всякой истории... Наш поэт вошел в царство народности как ее полный властелин и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество... Он показал этим только богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества».

Это было в годы, когда в русской филологической и исторической науке и в только что зарождавшейся этнографии начиналось глубокое и плодотворное изучение народной старины и народного быта. Русских писателей, ученых начинали интересовать народная поэзия, предания, легенды, поверья, обычаи; им начали открываться необыкновенные богатства духовной жизни народа. Достаточно вспомнить, каким событием в истории русской литературы было опубликование в самом начале XIX века «Слова о полку Игореве» (1800), а затем «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» (1801).

В 1831 году П. В. Киреевский и П. М. Языков начинают собирать русские народные песни. Пушкин и Жуковский вводят в русскую художественную литературу русские сказки, затем в «Библиотеке для чтения» появляются первые отрывки из сказки П. Ершова «Конек-Горбунок».

Лермонтов не мог не знать всех этих произведений, как и песен и романсов Мерзлякова и Дельвига, а также народных баллад Катенина. Прекрасное знание подлинных русских былин и исторических песен подсказало Лермонтову склад его «Песни».

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» вложена в уста «гусляров молодых, ребят удалых», начинается «запевкой» и кончается «славой». И гусляры, и поэтическая рамка, в которую вставлена «Песня», и ее отдельные части подсказаны духом народной поэзии, любящей запевы, припевы, всякую «причеть». В этом замечательном произведении Лермонтов продолжил плодотворную работу Пушкина над русскими сказками и песнями и еще глубже проник в стихию народного творчества.

14.

В 1839 году в Петербурге начал выходить передовой по тому времени литературный журнал «Отечественные записки». Деятельный и предприимчивый издатель А. А. Краевский об'единил вокруг журнала лучших писателей, привлек к сотрудничеству в журнале Белинского, который переехал из Москвы в Петербург, а также стал печатать стихи Лермонтова и отдельные его повести, вошедшие впоследствии в книгу «Герой нашего времени». Здесь же в «Отечественных записках» появились статьи Белинского, посвященные разбору стихотворений и романа Лермонтова. «Отечественные записки» много способствовали ознакомлению русской читающей публики с творчеством Лермонтова.

Участвуя в журнале, бывая на вечерах у писателя В. Ф. Одоевского, а также в семье покойного Н. М. Карамзина, Лермонтов вошел в тогдашний петербургский литературный круг, ближе познакомился

с В. А. Жуковским, В. А. Соллогубом, И. И. Панаевым и др.

Тогда же в Петербурге образовался «Кружок шестнадцати», названный так по числу участников. В этот кружок входил и Лермонтов. Один из членов кружка писал: «Это общество составилось частью из университетской молодежи, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или с бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой...» Друзей Лермонтова объединяли общие интересы политики, философии, литературы, искусства, театра. Это не было революционное общество, но для того времени «Кружок шестнадцати» был передовой, прогрессивной группой.

15.

В творчестве Лермонтова запечатлена трагедия передового молодого человека 30-х годов XIX столетия. Еще в стихотворении 1829 года «Монолог» намечена эта важнейшая лермонтовская тема:

К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем...

В таких стихотворениях как «Дума» и «И скучно и грустно», в раздумьях Печорина выражена не только личная скорбь, но и тоска всего поколения. Лучшие люди эпохи николаевской реакции 30-х годов сознавали безнадежность своего существования. Была большая культура и могучие силы, но даже лучшие люди не видели, куда итти и какому делу отдать свои дарования. Так, Белинский писал: «Действительность разбудила нас и открыла нам глаза: но для чего? Лучше бы она закрыла нам их навсегда, чтобы тревожные стремления жадного жизни сердца уто-

лить сном ничтожества». Те же настроения звучат в «Дневнике» Герцена: «поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? Поймут ли они, отчего мы ленивы, отчего мы ищем всяких наслаждений, пьем вино и прочее? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?.. О, пусть они остановятся с мыслью и грустью перед камнями, под которыми мы уснем, — мы заслужили их грусть!».

Но Лермонтов не смиряется. Исповедь «Мцыри» прозвучала для современников, как слово протеста, как зов к борьбе за свободу. Белинский писал: «Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственною мощью».

В «Мцыри» не было и не могло быть открыто выраженного политического протеста. Но порыв Мцыри к родным горам, его стремление найти утраченную родину, вырваться из душной кельи воспринимались несколькими поколениями русских читателей как символ свободолюбия и революционных стремлений. Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов раскрыли революционную сущность, мятежную силу поэмы Лермонтова.

Теми же мятежными настроениями, «с небом гордой гранью» проникнута поэма Лермонтова «Демон», над которой поэт работал всю жизнь.

Несколько раз перерабатывая поэму «Демон», Лермонтов не считал ее законченной и не решался печатать. Впрочем, полностью эту поэму напечатать было невозможно. Цензура потребовала бы значительных переделок. Поэма распространялась в списках и оказывала громадное влияние на современников.

С годами романтические элементы в творчестве Лермонтова заметно преодолеваются. Уже в поздних редакциях «Демона» и в поэме «Мцыри» Лермонтов реалистически описывает природу Кавказа.

Зрелость Лермонтова, переход его к реализму, стремление к художественной ясности и простоте, осознаны и запечатлены самим поэтом:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор...

Теперь Лермонтова не могли удовлетворить даже удавшиеся попытки воплощения образа героя своего времени в романтической манере. В творческом сознании поэта отпала необходимость маскировать героя, облачая его в крылатое одеяние падшего ангела или преображая его в мятежного шиока. Современный художник, разоблачивший светское общество в «Маскараде» и «Княгине Лиговской», подошел к труднейшей задаче: показать в реальной обстановке, среди других представителей русского общества, характерного героя своего времени, человека одаренного и мыслящего, но искалеченного светским воспитанием и оторванного от жизни своей страны и своего народа. Так возникает образ Печорина и весь замысел книги «Герой нашего времени».

Первоначально задуманная как путевые записки,

книга эта приобрела значение художественного документа эпохи, она охарактеризовала целое поколение. Это сознавал и сам Лермонтов. В предисловии ко второму изданию книги, в 1841 году, он писал: «Герой нашего времени»... портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Печальные раздумья о [illegible] в его времени, выраженные в лирике Лермонтова, воплотились и в этой книге. Печорин—[illegible] развитие образа молодого человека XIX столетия. Восторженный и несколько наивный пыл героя [illegible] двадцатых годов—Чацкого («Горе от ума») сменился в разочарованном эгоисте Онегине. Онегин был умен и начитан, но ленив и бездеятелен. При всем этом Онегина могло еще захватить большое чувство к Татьяне. Опустошенность Печорина так глубока, что оно не может по-настоящему увлечь даже любовь. Он умнее и деятельнее Чацкого и Онегина. Это едва ли не самый умный и образованный герой в русской литературе начала XIX века. Но Печорин тяготит своим умом—аналитическим и бездейственным. Трагедия «Горе от ума» здесь углублена по-новому.

[illegible] в истории с контрабандистами, держит с Вуличем бессмысленное пари, чтобы забыть самого себя, чтобы бежать от безысходной скуки, и в этом смысле трагедия Печорина тяжелее горя Чацкого и тоски Онегина.

Кавказские впечатления 1837 года в значительной степени сказались в работе над «Героем нашего времени». В отличие от Грибоедова и Пушкина, Лермонтов переносит своего героя из столичных гостиных и дворянского провинциального быта на Кавказ. На фоне правдиво нарисованных кавказских и черноморских пейзажей, окруженный кавказским обществом на Минеральных водах, рядом с армейским офицером, доб-

рейшим Максимом Максимовичем, среди казак в тер ских станиц, в столкновениях с контрабандистами — Печорин живет реальной человеческой жизнью со всеми житейскими мелочами и противоречиями. Даже Чацкий и Онегин кажутся по сравнению с Печориным более условными литературными персонажами, не говоря уже о пушкинском Алеко («Цыганы») или «Кавказском пленнике».

Было бы ошибочно проблему Печорина свести к старому спору: положительный он или отрицательный герой. Печорин ни то, ни другое. Это человек критически мыслящий и передовой, но искалеченный воспитанием и своим светским кругом. В образе Печорина Лермонтов, по собственному его признанию, рисовал современного ему человека. Печорин—*болезнь века*: Лермонтов указал на это болезненное явление, но как излечить общество от печоринского разочарования ни Лермонтов, ни другие лучшие люди того времени не знали и не могли еще знать.

Глубоко несчастному эгоисту Печорину Лермонтов противопоставил человечного и в каждом своем поступке прямого и открытого Максима Максимовича. Это прекрасный тип честного русского человека старого кавказца, видавшего виды, прошедшего трудную боевую школу. Задолго до капитана Тушина, Тимохина и Платона Каратаева, — этих прекрасных образов простых русских людей, созданных Львом Толстым в эпопее «Война и мир», — Лермонтов уже запечатлел черты незаметного, но настоящего героя русской армии, человека, преданного долгу, родине, хорошего, отзывчивого боевого товарища, заботливого командира.

Из второстепенных действующих лиц «Героя нашего времени» особенно удались Лермонтову доктор Вернер—умный скептик и материалист, во многом напоминающий кавказского знакомца Лермонтова и друга декабристов доктора Майера, а также Грушницкий—жестокая карикатура на восторженных ро-

м итикой, напитавшихся модных повестей Марлинского и отправившихся на Кавказ, чтобы потом хвастаться выдуманными подвигами и невероятными происшествиями.

Лермонтов устами Печорина очень хорошо говорит о Грушницком: «Я его видел в деле: он машет шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!»

Если держаться последовательности событий, развивающихся в пяти повестях «Героя нашего времени», то они должны быть примерно расположены так: Печорин за дуэль выслан из Петербурга на Кавказ. По дороге к месту новой службы он задержался в Тамани, где происходит случайное столкновение с контрабандистами («Тамань»). Затем, после какой-то военной экспедиции ему разрешают пользоваться водами в Пятигорске, но за дуэль с Грушницким («Княжна Мери») отправляют под начальство Максима Максимовича в крепость. Отлучившись на две недели в казачью станицу, Печорин принимает участие в истории с Вуличем («Фаталист»), а по возвращении в крепость происходит роман с Бэлой. Из крепости Печорина переводят в Грузию, затем его возвращают в Петербург. Вновь очутившись на Кавказе, по дороге в Персию, Печорин встречается с Максимом Максимовичем и офицером-автором путевых записок («Максим Максимыч»). Наконец, на обратном пути из Персии Печорин умирает (Предисловие к «Журналу Печорина»).

Однако Лермонтов сознательно ломает порядок этих событий и располагает их так, что мы сначала узнаем наиболее типичную для Печорина историю Бэлы, рассказанную Максимом Максимовичем. Читатель, таким образом, получает характеристику Печорина как бы от третьего лица. Затем дана непосредственная встреча с самим Печориным и его внешняя характеристика. Читатель с интересом всматривается в этого

человека, с которым произошла только что рассказанная Максимом Максимовичем история. Охарактеризовав своего героя в рассказе Максима Максимовича и показав его в личной встрече, Лермонтов предлагает читателю записки Печорина, в которых герой книги раскрывается перед читателем уже в первом лице. Так последовательно меняются точки зрения, но вся книга в целом об'единяется одним героем—Печориным.

Книга «Герой нашего времени» произвела на современников большое впечатление; «Вышли повести Лермонтова, — писал В. Г. Белинский своему приятелю В. П. Боткину, — Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность суб'ективно-салонного взгляда на жизнь».

В истории русской прозы «Герою нашего времени» принадлежит значительное место. Лермонтов подготовил психологический реализм Тургенева, Льва Толстого, Достоевского, Чехова и Горького.

Гоголь ценил прозу Лермонтова даже выше, чем его поэзию. Он сказал о Лермонтове: «Никто еще не писал у нас такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тут видно больше углубления в действительность жизни—готовился будущий великий живописец русского быта». Отзыв Гоголя повторил Лев Толстой, а Чехов говорил о «Тамани»: «Я не знаю языка лучше чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать».

17.

В феврале 1840 года светские враги Лермонтова передали сыну французского посланника де-Баранту эпиграмму, якобы сочиненную на него Лермонтовым. На самом деле была использована подошедшая к случаю эпиграмма, написанная поэтом еще в военной шко-

ле. Состоялась дуэль, обошедшаяся благополучно, но власти воспользовались этим поводом, и Лермонтов был арестован; началось «военно-судное дело».

Когда Лермонтов находился под арестом, В. Г. Белинский выхлопотал разрешение посетить его. Через несколько дней Белинский писал Боткину: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто-непосредственный вкус изящного! О, это будет поэт с Ивана Великого! Чудная натура»...

Речь шла о литературе, о романах Вальтер Скотта, о Ф. Купере, которого Лермонтов и Белинский ставили выше В. Скотта.

Лермонтов поделился с Белинским новыми замыслами, сказал, что собирается написать ряд романов из нескольких эпох русской жизни.

Весной военно-судное дело закончилось. Лермонтов был переведен в армейский Тенгинский пехотный полк, который в это время находился на Кавказе на самом опасном и трудном участке, где шли напряженные и непрерывные бои.

Отношение Лермонтова к кавказской войне было двойственным. Не сочувствуя хищническим колониальным методам царизма, он понимал историческую неизбежность и необходимость присоединения Кавказа к России. Не об этом ли он говорит в стихотворении «Спор»? Вместе с тем Лермонтов глубоко уважал свободолюбие и мужественность горцев и древнюю культуру Востока.

Силу и беззаветную смелость славил Лермонтов в своих стихах. Этими качествами поэт обладал в высшей степени. Он был бесстрашным боевым офицером. Даже старые кавказцы и известные джигиты дивились храбрости Лермонтова во время походов в Малую Чечню летом и осенью 1840 года. Эти бои нашли поэтическое отражение в ряде кавказских стихотворений и

рисунков Лермонтова и в небольшой поэме, известной под названием «Валерик» («Я к вам пишу; случайно, право»). Просто и правдиво рассказывает Лермонтов о сопротивлении горцев, о храбрости и героизме русских солдат.

Лермонтов был смелым и находчивым воином; в самом преодолении боевых опасностей он сознательно воспитывал волю и хладнокровие. Из журнала военных действий на левом фланге Кавказской линии и воспоминаний современников мы знаем о замечательных боевых подвигах поэта. За участие в кровопролитном деле при Валерике 11 июля 1840 года Лермонтов был представлен отрядным начальником к награждению орденом Владимира 4-й степени с бантом. В представлении, между прочим, указывалось: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма и приятельских завалов на реке Валерике, имея поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но оригинал [illegible] на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших вторался в неприятельские завалы». Высшее начальство отказало Лермонтову в награде.

Осенью 1840 года Лермонтов снова участвовал в походе. 27 октября в Автурийских лесах отряд шел по узкой лесной тропе под перекрестным огнем противника; пули летели со всех сторон. Наши потери росли с каждым шагом. Арьергардный батальон слишком поспешно вышел из леса и артиллерия под командой приятеля Лермонтова К. Х. Мамацева осталась без прикрытия. Горцы воспользовались этим, изрубили боковую цепь и бросились на пушки. Но Лермонтов вовремя подоспел со своей командой охотников и

помог Мамацеву продержаться, отстреливаясь, пока из отряда не пришла помощь. Через несколько дней, 4 ноября, в Алдинском лесу Лермонтов снова прискакал на выручку к орудиям Мамацева.

За участие в этих делах Лермонтов был вторично представлен к награде. На этот раз в «наградном списке» о нем было сказано: «Во всю экспедицию в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября поручик Лермонтов командовал охотниками, выбранными из всей кавалерии, и командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе, этот храбрый и расторопный офицер неоднократно заслуживал одобрения высшего начальства... Отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всех случаях достойны особенного внимания».

И в этом представлении Николай I отказал. Он не хотел дать возможности Лермонтову выслужить отставку или прощение, не хотел признать храбрости и мужества опального поэта.

Лермонтов всегда презирал малодушие и трусость. Не случайно он переложил в поэме «Беглец» известную горскую легенду, в которой народ заклеймил презренного труса Гаруна, бежавшего с поля брани. Друг, возлюбленная и даже старая мать отвергают беглеца, который «не мог умереть со славой».

Умолкло слово отверженья,
И все кругом об'ято сном,
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;

Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца

Чувство долга, преданность родине, боевая честь — все это было дорого Лермонтову—поэту и гражданину.

18.

В самом начале 1841 года Лермонтову с большим трудом удалось получить кратковременный отпуск. Поэт в последний раз приехал в Петербург. Попытки выйти в отставку и целиком посвятить себя литературе ни к чему не привели. Вскоре он получил приказание в 48 часов оставить Петербург. Повидимому в эти дни Лермонтов написал стихотворение:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоей плети,
От ига всевидящего глаза,
От ига всеслышащих ушей.

Так прощался Лермонтов с николаевской Россией. Но была другая Россия — крестьянская. Эту Россию Лермонтов любил, признавал своей отчизной. Он любил «встречать по сторонам взлетая о почлеге, дрожащие огни печальных деревень» («Родина»).

Как радовали Лермонтова редкие в ту пору признаки довольства в крестьянском быту!

С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,

Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Так мог писать только поэт, ощутивший кровную связь с народом. Не случайно Добролюбов говорил: «Умевши рано постичь недостатки современного общества (Лермонтов) умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

19.

В мае 1841 года, по дороге в полк, Лермонтов заехал в Пятигорск и выхлопотал разрешение задержаться там для лечения минеральными водами. В это время в Пятигорске находился отставной майор Мартынов, который был знаком с Лермонтовым еще по Школе гвардейских подпрапорщиков. Внешние отношения между Лермонтовым и Мартыновым были приятельские, но втайне Мартынов завидовал Лермонтову и относился к нему недоброжелательно. Лермонтов остроумно высмеивал заносчивого и обидчивого Мартынова. 13 июля старого стиля 1841 года в доме Верзилиных в Пятигорске между Лермонтовым и Мартыновым произошло столкновение. Задетый эпиграммами и карикатурами Лермонтова, Мартынов вызвал его на дуэль.

В это время в Пятигорске жили приехавшие из Петербурга князь В. С. Голицын, князь А. И. Васильчиков, юнкер Барклай-де-Толли и другие. Эти люди знали, как не любят Лермонтова при дворе. Есть основания, позволяющие предполагать, что при ближайшем участии генерала Мердера об'единилась группа светских врагов Лермонтова, которая сначала пыталась спровоцировать дуэль между Лермонтовым и молодым офицером Лисаневичем, а затем,

Памятник на могиле М. Ю. Лермонтова в Тарханах

Когда это не удалось, воспользовалась ссорой Мартынова с Лермонтовым.

15 июля 1841 года вечером у подножия Машука состоялась дуэль. Секундантами были А. И. Васильчиков, А. А. Столыпин, М. П. Глебов и С. В. Трубецкой. На месте поединка присутствовало еще несколько зрителей. Но врача не было. Секунданты отмерили барьер. Противники стали на крайних точках. По условию дуэли каждый имел право стрелять, стоя на месте или подходя к барьеру. Мартынов подошел первый. Лермонтов не целился и не собирался стрелять. Мартынов выстрелил. Лермонтов был убит наповал. В это время разразилась жестокая гроза. Тело поэта до поздней ночи лежало под дождем.

17(29) июля Лермонтов был погребен на пятигорском кладбище. В апреле 1842 года прах Лермонтова был перевезен из Пятигорска в имение Е. А. Арсеньевой—Тарханы Пензенской губернии и там вторично погребен в часовне около сельской церкви, рядом с могилой матери и деда М. В. Арсеньева.

Мартынова судили военным судом. При всей строгости закона, запрещающего дуэли, Николай I определил: «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

Известие о смерти Лермонтова было встречено при дворе с чувством глубокого удовлетворения. Николай I сказал: «Туда ему и дорога». Но лучшие, передовые люди того времени понимали, как велика утрата.

20.

Лермонтов был убит, когда ему не исполнилось 27 лет. Он далеко не достиг полного расцвета своих

творческих сил, «по содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинский взмах, демонский полет, с небом гордая вражда—все это заставляет думать,—писал Белинский, — что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина».

И тот же Белинский с уверенностью предсказывал, что недалеко то время, когда имя Лермонтова сделается в литературе «народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышимы и в повседневном разговоре толпы между толками ее о житейских заботах».

Несмотря на цензурный гнет, творческое наследие Лермонтова продолжало жить в памяти народа. Стихотворения и баллады его прочно вошли в песенники, распевались как народные песни. Известной солдатской песней стало «Бородино». Даже тогда, когда Российская империя была тюрьмой народов, творчество Лермонтова вызывало многочисленные отклики в среде передовых деятелей национальных культур Закавказья и Средней Азии.

Очень большое влияние Лермонтов оказал на развитие грузинской и армянской поэзии. Лермонтова ценили такие грузинские поэты как Гр. Орбелиани, И. Бараташвили, Раф. Эристави, Илья Чавчавадзе и др. В 1858 году в журнале «Цискари» («Заря») появляется первый перевод «Ветки Палестины», сделанный Акакием Церетели, затем с целым рядом переводов выступает И. Чавчавадзе («Мцыри», «Хаджи Абрек», «Сон», «Утес» и др.). Первые переводы произведений Лермонтова на армянский язык относятся к 1843 году. Основоположник новой казахской литературы и создатель казахского литературного языка Абай Кунанбаев дал превосходные переводы многих стихотворений Лермонтова, которые и в наши дни распеваются в казахской степи как народные песни.

В 1889 году в Пятигорске был открыт памятник Лермонтову. В этом торжестве принимал участие выдающийся революционный осетинский поэт Коста Хетагуров. Испытавший на себе преследования царизма, Хетагуров выразил уверенность, что наступит пора, когда Осетия забудет «вековые невзгоды» и настанет желанная свобода. Обращаясь к своему народу, он указывал, что Лермонтов учит горцев быть готовыми биться «за великое, честное дело».

Интересен рассказ М. Горького в его автобиографической повести «В людях» о том, какое громадное впечатление на него в отроческие годы производило чтение лермонтовского «Демона» (гл. XIV).

К цитатам из произведений Лермонтова не раз обращался В. И. Ленин. Так, выступая против кадетов в одной из статей 1906 года, В. И. Ленин использовал заключительные строки «Думы». «Смотрите, господа кадеты... придет день и не далекий день, когда народ помянет вас «насмешкой горькою обманутого сына над [illegible] отцом» (т. IX, стр. 247). Ленин сознательно изменил текст—у Лермонтова «над промотавшимся отцом».

Высоко ценил творчество Лермонтова С. М. Киров. В 1911—1912 гг. он писал М. Л. Маркус-Кировой из Томской тюрьмы: «Случайно взял Лермонтова и почему-то он совершенно иным стал в моих глазах—его поэзия, конечно. Удивительно своеобразно! Много помогло в его усвоении, очевидно, мое знакомство, хотя и слабое, с Кавказом. Какова должна была быть сила воображения, наблюдательность и проникновенность у человека так высоко, художественно и образно описавшего Кавказ. Что если бы перед его взорами раскинулась подавляющая своим величием, божественно-спокойная, необъятная панорама, которую приходилось видеть немногим счастливцам, достигающим вершины царствующего над горами Кавказа гиганта! Какие звуки услышал бы художник-гений среди этой мертвой

Памятник М. Ю. Лермонтову в Пензе.

тишины? Какие тайны природы открыл бы его проникновенный взор».

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда учением Ленина о критическом усвоении культурного наследия прошлого овладели широкие трудящиеся массы, творчество Лермонтова, одного из величайших поэтов русской классической литературы, так же, как и литературное наследие Пушкина—действительно стало всенародным достоянием.

Русский язык и русская литература получили всемирно-историческое значение. Все передовое человечество приобщается к богатствам нашей культуры. Среди этих богатств — творческое наследие Лермонтова.

Ответственный редактор **Н. И. Страхов.**
Редактор издательства **А. В. Храбровицкий.**
Художник **А. П. Баринов.**
Корректор **О. П. Гароза.**

ФЛ06531. Заказ № 1246. Подписано к печати 4 июля 1945 года.
Об'ем 1,875 печ. листа. Тираж 5000. Цена 3 рубля.

Типо-литография издательства «Сталинское знамя».
Пенза, ул. Кирова, 65.

Издательство газеты „Сталинское знамя“
Пенза. Улица Кирова, 65.

Вышли из печати:

Писатели-земляки о Родине. (Радищев. Лермонтов. Белинский. Огарев. Салтыков-Щедрин).

В. Г. Короленко. В успокоенной деревне. Предисловие С. В. Короленко.

Д. Благой. Александр Николаевич Радищев.

В. Нечаева. Виссарион Григорьевич Белинский.

В. Ермолаев. Пензенский край в отечественной войне 1812 года.

А. Храбровицкий. Замечательные места Пензенской области (Суворово. Чембар. Тарханы. Верхнее Аблязово. Дубровка и Кромщина).

А. Анисимова. Песни про войну

Готовятся к печати:

С. Рейсер. Николай Платонович Огарев.

В. Нечаева. Иван Иванович Лажечников.

М. Сокольников. Константин Аполлонович Савицкий.

Павел Дружинин. Избранные стихи.

Литовские писатели в Пензе (*Сборник*).

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач———

Цена 3 рубля